

«Вдали от комплексных идей живешь как Рэмбо — day by day»

Виктор Пелевин о себе и своей новой книге

писатель литература

Сегодня в продаже появился новый роман Виктора Пелевина «ДПП» («Диалектика переходного периода») — рецензию читайте завтра. ВИКТОР ПЕЛЕВИН дал интервью обозревателю „Ъ“ ЛИЗЕ НОВИКОВОЙ.

— Может ли новый роман потеснить «Поколение П», который в Германии вошел в энциклопедию 1000 главных книг века. Есть ли у «Диалектики» такие амбиции?

— Все эти списки главных книг века и литературные премии — просто попытки функционеров серпа и капитала организовать для писателей что-то вроде тараканьих бегов, чтобы всем было интересно и весело. Если писателю иногда сообщают, что он пришел первым или, наоборот, последним, это еще не значит, что он в этих бегах участвует. Функционерам свойственно видеть всю вселенную исключительно как дорожку для тараканьих бегов. Для бегового таракана это совершенно точная модель мира. Но таракану сложно объяснить, что большие движущиеся объекты, которые он смутно различает вокруг, могут идти в разные места и по разным поводам, поэтому не всегда корректно говорить, что кто-то из них пришел в тараканьих бегах первым. Куда пришел? По своей природе литературные премии и классификации являются как бы вешалками для рекламы чипсов со вкусом сыра. И относиться к ним надо юмористически. В любом случае писателям не стоит обижаться, потому что они тоже иногда организуют тараканьи бега для функционеров. Так что я надеюсь, что мои книги не будут теснить друг друга. Тем более что все они очень разные.

— А как бы вы представили новый роман читателям? Прокомментируйте его подзаголовок «Из Ниоткуда в Никуда». Вы считаете, что

в литературе, в обществе ничего не произошло?

— Роман всегда только сам о себе и больше ни о чем. Пока я писал эту книгу, я просто следовал за историей, которая развивала сама себя. Но если проанализировать ее, это биография человеческого ума, который собирает вокруг себя мир, невидимый для окружающих, но абсолютно реальный для обладателя. Мой герой может показаться ненормальным, но это самый обычный человек, у которого приоритеты просто чуть отличаются от впрыскиваемых рекламой и информацией.

Общественной мысли как феномена не существует. Мыслят только люди — и, возможно, дельфины. Никакого общества нет нигде, кроме как в сознании индивида. Но между индивидами постоянно происходит борьба за власть, в процессе которой они пытаются заколдовать друг друга с помощью иностранных слов, не отражающих ничего, кроме последовательности пустых иллюзорных форм, которые принимает индивидуальный ум во время своего героического перехода из ниоткуда в никуда. То же относится к литературному процессу — если закрыть «Литературную газету», в течение секунд он затухнет безо всяких следов. А если ее не открывать, так он и не появится.

— А как вы относитесь к тому, что эти темы — соотношения реальности и видимости, виртуальности — и без вас активно эксплуатируются массовой культурой: например, именно фильм «Матрица» дал главный образ для книги философа Славоя Жижека «Добро пожаловать в пустыню реальности»?

— Реальность — это любая галлюцинация, в которую вы верите на сто процентов. А видимость — это любая реальность, в которой вы опознали галлюцинацию. Эти темы — центральные в жизни, поэтому естественно, что они вызывают интерес у любого человека,

который в состоянии хоть чуть-чуть поднять голову над корытом. Таких людей практически нет в элите, но много в массах, поэтому эти сюжеты проникают в массовую культуру. «Матрица» — это, безусловно, самое лучшее и точное, что появилось в массовой культуре за последнее десятилетие. Но сам жанр накладывает ограничения. Сначала вам вроде бы сообщают, что тело — просто восприятие, что, безусловно, большой метафизический шаг вперед. Но затем сразу же выясняется, что настоящее тело у вас все-таки есть, просто оно хранится в амбаре за городом, и у вас в затылке есть разъем типа «папа-мама», по которому все закачивается в ваш мозг. Дело здесь не в метафизической ограниченности постановщиков. Если убрать амбар с настоящим телом, будет довольно трудно показать, как трахается Киану Ривз, что, конечно, скажется на сборах. Поэтому метафизике приходится потесниться.

— А что скажете о своих многочисленных подражателях, о пелевинском буме в русской литературе?

— Про пелевинский бум я даже не слышал, прямо расту в собственных глазах.

— «Идущие вместе» вам сильно досаждали?

— Мне очень понравился их руководитель, такой взволнованный функционер с лицом порочного пианиста. Ему самое место среди детей. Я на него, впрочем, не в обиде — не думаю, что он читал книги. Все дело в том, что у организации, которую он представляет, сидят в литконсультантах невыразимо inferнальные старперы. Наняли бы лучше Сорокина. Или того же Ширянова. Они бы организовали марш на Переделкино, сожгли бы пару дач, решили бы наконец проблему шестидесятиков. Было бы очень живописно.

— Как вам, кстати, романы Владимира Сорокина?

— «Лед» я прочитал с удовольствием — у Сорокина он мне нравится больше всего. Хотя мне кажется иногда, что этому большому художнику не хватает теплоты к фантомам своего воображения — тогда они таяли бы еще быстрее. Самое интересное, что я читал за последнее время, это Джон Бердгетт «Бангкок 8».

— «Бангкок 8» — буддийский и колониальный, да еще лихо закрученный детектив. Тогда вопрос о ваших путешествиях в Непал: пишете ли вы об этом, может быть, тоже что-то вроде колониального романа?

— Вы вот сказали «буддийский и колониальный», а потом «детектив», и словно бы что-то стало ясно про эту книгу. На самом деле эти формулировки совершенно ничего о ней не сообщают, но создают иллюзию того, что с ней все уже ясно и можно переходить к другим вопросам. Знаете, как бывает у палатки с кассетами — говоришь: «Есть у вас что-нибудь интересное?» А тебя из дырки спрашивают: «Вам шо? Трыллер? Детектив?» При рыночном регулировании культуры весь плюрализм быстро сводится к трем-четырем полкам супермаркета с бирками «детектив», «триллер», «эротика» и «для детей». Писатели перестают производить что-то другое, потому что все остальное требует значительного труда, который никак не вознаграждается. Если посадить все село на героин, завозить в него что-нибудь кроме героина станет экономически нецелесообразно. С другой стороны, если организовать культуру на каком-нибудь другом принципе, кроме рыночного, из подвалов сразу полезет такая мразь, начнется такое, такое... По мне, лучше уж безличная пошлость рынка, чем личная пошлость множества конкретных людей из дотируемого культурного истеблишмента, то есть мафии. Все равно хорошие книги будут появляться, потому что в этом мире действует много других законов кроме спроса-предложения. Раньше хорошие книги появлялись вопреки развитию социализму, теперь они будут появляться вопреки рынку, вот и все.

— А что скажете о буддизме в ваших произведениях? Судя по невозмутимости ваших ответов и по тому, что вы вообще согласились дать интервью, вы сейчас пребываете в гармонии? Не расскажете немного о вашей нынешней жизни — повседневной, творческой, личной?

— Знаете, что такое буддизм? Я поднимаю глаза. Передо мной стена. Она белого цвета. Не ду-

маю, что мои слова произвели на вас впечатление, но это главная тайна мира. Про нее ничего другого и не скажешь. Если стена зеленая, это все равно та же самая главная тайна. Будда — это повседневный ум. Поэтому нет ни одного текста, который не был бы буддийским с первой буквы по последнюю. А особую сакральную ценность представляют листы белой бумаги, про это хорошо сказано в «Путешествии на Запад». Прозелитизм — это свойство всех людей, которые нашли что-то очень хорошее и хотят рассказать про это другим, потому что понимают, что у них от этого не убудет. В нем нет ничего дурного. Но сейчас я стал понимать, что в настоящей буддийской книге не должно быть ни единого слова про буддизм. То же относится и к настоящей буддийской практике — в ней нет ни сидения у стены, ни поклонов, ни благоговения. Вообще ничего «навесного». Вдали от комплексных идей живешь как Рэмбо — day by day.

— Но все эти «бирки» в том числе служат материалом ваших произведений, без них литературный текст совсем оторвется от земли (а нам, газетчикам, иначе никак — не может же газета выходить с белыми листами).

— А я в этом не вижу ничего страшного, лишь бы было интересно. В мире достаточно сил, которые вернут на землю. А газета с белыми листами давно уже выходит, она на таких коротких рулонах. И тираж у нее настолько большой, что она обходится без рекламы. Это мой любимый печатный орган, потому что они постоянно публикуют всю правду о самом главном, независимо от текущего владельца.

— Хотелось бы что-нибудь узнать о вашей жизни — например, какую музыку слушаете?

— Я все это и говорю про свою жизнь. Ее физиологический аспект вполне обычен: я занима-

юсь спортом, не ем мяса и избегаю алкогольных напитков, табачных изделий и интересных людей. Еще я не ем помидоров — в них дремлет древний тибетский ужас.

А музыка бывает двух видов. Та, которая начинает звучать в комнате, когда вы после мучительного выбора вставляете диск в проигрыватель, и та, которая доносится до вас из невидимой радиоточки по неясной кармической причине. Я предпочитаю второй вариант. Как правило, я не завожу музыку специально. Мне хватает того, что я слышу в спортзале, — английской версии «Татушек» или ремикса «Forever young» в исполнении виртуальных лилипутиков. Кстати, очень интересная вещь — в спортзалах Москвы и Берлина играет одна и та же музыка. Наверно, есть какие-то специальные подборки. К сожалению, главная функция музыки за пределами спортзала — служить лубрикантом при рекламной пенетрации. Поэтому, садясь в такси, я обычно прошу выключить радио. Но бывают приятные исключения — недавно я ехал по Ленинскому проспекту, и водитель вдруг включил Земфиру, «До свиданья». Эта песня настолько совпала с жарким днем, солнцем, бензиновой гарью и моим любимым городом, что я на какое-то время исчез, а осталась только музыка. Хочется сказать девушке спасибо за эту минуту. Но искать подобного бесполезно, это просто иногда случается.

— А из неудачественной литературы, нон-фикшн, вы что-нибудь за последнее время отметили бы?

— Книжки по философии, социологии и истории редко помогают кому-нибудь, кроме их авторов. Философия — это протокол процесса, при котором некая мысль, опираясь на прошлую, порождает следующую. Социология была хорошим предложением развести на грант папу Сороса, но сейчас, говорят, он поумнел.

А история очень борзо объясняет, почему вчера случилось то-то и то-то, но совершенно не в состоянии предсказать, что будет завтра, то есть ее вообще некорректно называть наукой — если вы, конечно, не работаете на истафе. Вот физика — это наука: физик может предсказать, что будет взрыв, если сдвинуть два куска плутония. А кто-нибудь из советских историков, философов и социологов в 90-м году предвидел 91-й? Нет. То есть сейчас-то они все скажут, что предвидели, но вот в 90-м их слышно не было. При Циньском Шихуане их всех после этого зарыли бы по шею в землю, а затем пустили бы по ним табун лошадей. Но мы живем в гуманное время, поэтому вся эта публика постепенно переквалифицируется на преподавание основ пиара. Из чего, кстати, несложно сделать вывод, что в близком будущем в стране произойдут события, которые сделают пиар неактуальным. Будущее можно предсказывать, наблюдая за инстинктивными движениями популяции отечественных гуманитариев: они всегда движутся в сторону, прямо противоположную вероятному вектору событий...

— А какова, по-вашему, ответственность писателя? Вы, например, культовый автор для целых поколений. А если и вправду заведете читателей в никуда?

— Писатель — это человек, который отвечает перед текстом, который он пишет, а не перед читателями или критиками. Поэтому это очень одинокое занятие. Кроме того, я никого никуда не веду, а просто пишу для других те книги, которые развлекали бы меня самого. Собственно, они меня и развлекают, потому что я их первый читатель. Я далек от того, чтобы относиться к себе серьезно. А в никуда нельзя ни завести, ни вывести оттуда. Это наш общий дом с самого начала, понимаем мы это или нет. Иван Сусанин был большим шарлатаном.

Пелевин Виктор

209.03

Коммерсантъ - 2003. - 2 сент. - с. 14.